

«Тому назад, тому назад смолою плакал палисад...»

Евгению Евтушенко — 70

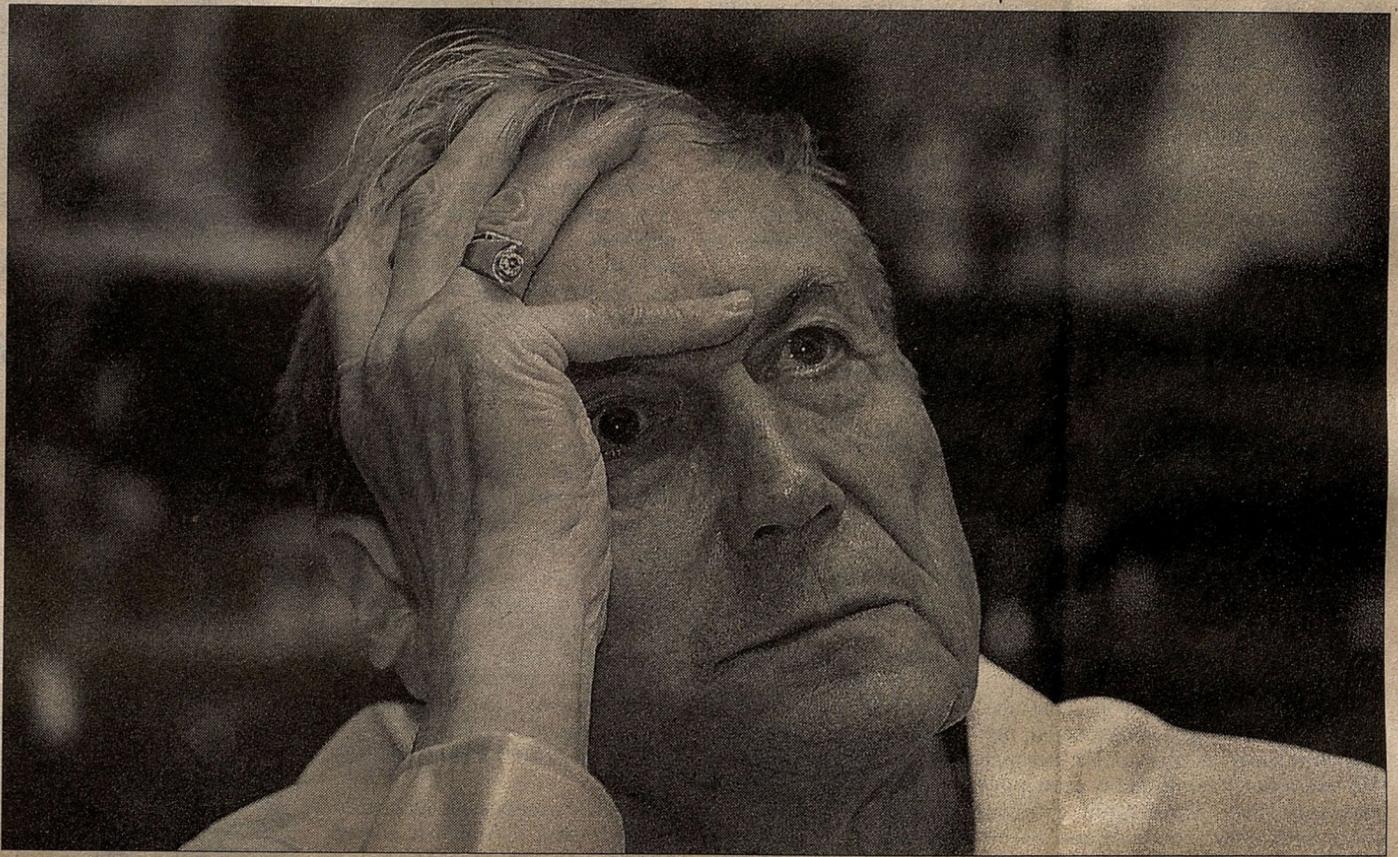
Громче его не было и нет. Когда-то на скудном фоне голос Евтушенко звучал так, как никаким Киркоровым да Басковым не снилось. Однажды я и сам попал на стадион — Евгений Евтушенко презентовал поэму «Мама и нейтронная бомба», написанную верлибром. Эффектно расставив ноги так себе, но народ внимал завороченно. Мы тогда еще не знали слова «харизма», поэтому говорили об артистизме. Ведь обычно поэты читать не умеют, они шаманят или бубнят свои тексты. Евтушенко стал первым артистом среди поэтов. И первым поэтом среди артистов. Ему очень шла роль Циолковского в кино, и очень жалко, что эта его карьера не заладилась.

Зато в качестве режиссера Евтушенко снял два монументальных фильма, один — про военное детство, другой — про похороны Сталина. Если есть термин «проза поэта», то фильмы, снятые Евтушенко, были «поэтическим кино», монументальным и наивным одновременно. Совсем как его поэзия, зачастую тратившая себя на злобу дня. Между прочим, эти рифмованные фельетоны, набранные курсивом, весьма красиво смотрелись в советских ежедневных газетах, лишая верстку, озверевшую от сплошных трудовых и творческих свершений, официозности. Их еще любили вырезать старенькие учительницы литературы, и потом они долго желтели в их стародевичьих альбомах.

Его оперативность вошла в поговорку (хрестоматийное *bon mot*: «мне только что сказали, что умер Андрей Дмитриевич Сахаров, извините, но мне нужно идти, написать стихотворение его памяти»), однако лучше всего Евтушенко удавалась любовная лирика. Пожалуй, ни у одного советского поэта нет столь чистых и пронзительных стихотворений «про это». Его тексты снабжены таким мощным зарядом эротизма, что девушки млели и уже не могли устоять. «Постель была расстелена, а ты была растеряна...» Возможно, наши сегодняшние демографические проблемы связаны с тем, что молодые люди перестали баловаться любовной лирикой?

Евгений Евтушенко действительно был голосом эпохи. От первого стихотворения, опубликованного в 1948 году в газете «Советский спорт», и до всех затем последовавших многотомных собраний сочинений. Он продуцировал образы, действительно волновали политизированных и несвободных людей. «Поэт в России больше, чем поэт» — анекдотическая, но безусловная истина. Куда ж без этого, до сих пор расхлебываем.

Лучше всего у Евтушенко получалось не когда он шел попе-

Слушая голос эпохи

рек власти или демонстрировал порционное инакомыслие, а когда отпускал свой нещучный дар в глубь собственной подсознания. Именно поэтому «Любимая, спи...» лучше, чем «Над Бабьим Яром памятников нет...», тоньше и честнее.

Странно, но, уехав преподавать в американский университет, Евгений Евтушенко словно бы лишился биографии и теперь воспринимается заезжей знаменитостью. Всю биографию у поэта забрали его тексты, в том числе спешно написанные, публицистически заостренные и оставшиеся стывать в газетных подшивках. Потому что весь, целиком и полностью, Евтушенко остался в стране, голосом которой он так долго являлся и которой больше нет на карте.

Евтушенко верен себе и не собирается меняться ни в твор-

честве, ни в повадке. Он так же мыслит крупными историческими категориями. К примеру, его контракт с Политехническим музеем на творческие вечера заключен аж на четверть века вперед. Завидное постоянство.

И, тем не менее, очень избранный сборник «тихой лирики» Евгения Евтушенко легко переживает и это смутное, непоэтическое время. Во-первых, «talant есть чудо неслучайное», а во-вторых, люди продолжают думать о любви даже и в эпоху перемен.

ДМИТРИЙ БАВИЛЬСКИЙ

Евгений Евтушенко: «Настоящие поэты начнут появляться один за другим»

— Евгений Александрович, ваше отношение к сегодняшней поэзии?

— Мне нравятся «девяностики». Это те, кого их бабушки-шестидесятницы привели на похороны Окуджавы, отдав им свою молодую любовь к поэзии, которую сохранили в душе. В поколениях после шестидесятников было много начитанных и талантливых людей. Почему же из них ничего не получилось? Раньше эти поэты подражали в основном Вознесенскому, мне и Белле Ахмадулиной. Сегодня многие решили писать, как Бродский. Межиров замечательно сказал, что «сегодняшняя молодая поэзия напоминает мне хорвое исполнение сольной арии Бродского». Но имитация не может породить великого поэта.

Появилось много способных сатириков. Тех, кто сделал стейб главенствующей своей интонацией. Одновременно возникли попытки растоптать поколение шестидесятников. И что получилось? Кто сегодня читает Витю Ерофеева? Никто его не читает, никто не любит. Его трудно любить, потому что он сам никого не любит. Или Дима Бьков, например. Замечательно одаренный человек, но совершенно невероятный циник.

А это уничтожает поэзию. Поэтому я вижу будущее поэзии в «девяностиках». Думаю, что из этого поколения совсем молодых людей начнут сейчас один за другим появляться настоящие поэты.

— Кого вы читаете сегодня?

— Я влюблен во французского писателя Романа Гари. Я зачитываюсь им. Я жалею, что мне не удалось с ним встретиться, потому что, оказывается, мы с ним были в одно время и в Париже, и в Америке. Все его книжки — замечательные. Как лещик в войне с фашистами он был даже известнее, чем Сент-Экзюпери, и как писатель, я думаю, был сильнее. Почему же у нас его не перевели так долго? Я понял, почему. Он никогда не был ни коммунистом, ни антикоммунистом. Как и я. Он посмеивался и над правыми, и над левыми. А люди не выносят не то, когда с ними полемизируют, а когда над ними снисходительно посмеиваются. А так как контроль над переводами с французского был всецело в руках Эльзы Триоле и Луи Арагона, то они наверняка и отстраняли его от контактов с Россией. А он прекрасно говорил по-русски.

— Сегодня у вас вечер в

Политехническом. Знаете, что будете делать завтра после юбилея?

— Сразу после вечера в Политехническом я выезжаю в Грузию. Для меня это приглашение — большая честь. Я еду праздновать день рождения Маяковского. Это будет двоякий вечер: юбилей Маяковского и Евтушенко вместе. Кстати, подобных культурных акций с Грузией давно уже не было. Я давно писал: «Про Грузию забвение неосторожно, поэтом быть в России невозможно».

— А после Грузии?

— Потом я еду на Братскую ГЭС. Вот, к вопросу об изменениях в нашей жизни. В 93-м году Братская ГЭС была в кошмарном состоянии. Люди уезжали, зарплату не платили по шесть, по восемь месяцев. Сейчас ситуация изменилась. Наоборот, люди стали туда приезжать. Я рад этому, потому что это ГЭС, который я когда-то посвятил поэму, сперва запрещенную цензурой, и рабочий класс Братска защитил меня от тех, кто пытался ее запретить. Когда-то, в 65-м году, было мое первое чтение «Братской ГЭС» там. А когда я приехал туда в первый раз, иду по плотине, вдруг сверху — кап-кап. Поднимаю голову, а на верхотуре

стоит огромный кран, крановщица держит своего ребенка, и он мне писает на голову. Так меня благословила тогда Братская ГЭС. Когда я читал впервые там главу про мать-одиночку, про Ньюку, если помните, то многие гадали: кто Ньюка из двадцати кандидатов? И они пришли на чтение со своими младенцами, и когда я закончил читать эту главу, все они встали, как по сигналу, и протянули ко мне своих детей. Как будто говоря: «Вот, вы про нас написали». Знаете, это был, наверное, самый счастливый момент в моей жизни. И сейчас я еду туда, поскольку Братская ГЭС сама переиздала мою поэму, посвященную ей. И мне рассказали, что меня сейчас ждут два руководящих инженера, которые были теми младенцами на первом исполнении «Братской ГЭС». Они сидели тогда на руках у своих мам!

— Что вы делаете сейчас?

— Заканчиваю трехтомную антологию «Десять веков русской поэзии». Каждый из томов по тысяче страниц. XXI века по ХХI. Пришлось самому перевести «Слово о полку Игореве», да еще в рифму. До сих пор не верю, что это случилось.

— И кто будет завершать тысячу лет русской поэзии?

— Еще не знаю. Сейчас я нахожусь в конце XIX века. Но я уже отбираю совсем молодых ребят. Думаю, что в будущем году антология должна выйти. Я даже остановил на середине роман, который называется «Город желтого дьявола». Это роман с параллельным повествованием о моей первой поездке в Америку в 1961 году, откуда вы много интересного узнаете, что там со мной произошло. И вместе с этим — о моих приключениях в детстве, во время войны, когда мы вместе с одной девочкой в 1941 году бежали на фронт. Это будет такой сентиментально-сатирический роман. А потом хочу продолжить работу в кино. У меня есть сценарий. «Мосфильм» дает деньги. Это будет фильм о футболисте замечательных времен Боброва и Хомича. Возможно, я и сам снимусь там в главной роли, хотя быть режиссером и актером очень трудно. У героя будет два возраста — молодой и пожилой. Там будет много автобиографического. Я ведь случайно не стал футболистом. В 49-м году напечатали мои первые стихи. А так я был вратарем.

— Какие еще сюрпризы ожидают вас на вашем сегодняшнем вечере в Политехническом?

— Во-первых, мне придется там петь. Я написал новую песню, над которой давно работал. Мне очень нравится фильм «Доктор Живаго» и дивная совершенно музыка к нему. Музыкальная тема Лары меня очень трогала, и еще лет десять назад я написал первый вариант слов к ней. В фильме же слов не было. Теперь вернулся к ним и дописал песню. Буду ее исполнять вместе с солисткой Мариинского театра Ларисой Юдиной. Потом я буду читать стихи. Может быть, вместе с двумя сыновьями. Там может быть много сюрпризов. Честно скажу, что не знаю никогда заранее, что буду делать.

— Кажется, туда совершенно невозможно будет попасть?

— Позвонили от министра культуры, который хочет просто прийти как зритель. Пришлось как-то выкручиваться в поисках билета. Сразу ночью после концерта будет смонтирован полтора часового его телевизионный вариант, и в двенадцать с чем-то часов дня завтра, в субботу, его покажут по первой программе. Так что основное вы увидите.

ЗАПИСАЛ ИГОРЬ ШЕВЕЛЕВ